

Научная статья
УДК 316
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-247-254

КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО УЧЕНИЯ

Эмилбек Каримович Дуйшеев

Баткенский государственный университет, Баткен, Кыргызстан
duyshoyev1980@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2919-4497, WoS Research ID: AAE-6635-2022

Аннотация. *Целью исследования* является обобщение специфики становление и развитие социального учения в рамках концепции евразийства.

Источники информации и методология исследования. *Работа базируется на идеях таких классиков социально-философской мысли, как Н. А. Бердяев, Л. Н. Гумилев, Н. Я. Данилевский, В. И. Иванов, К. Н. Леонтьев, Г. В. Флоровский и др. Методология исследования представлена междисциплинарной социально-философской методологией.*

Результаты исследования. *Делается вывод о том, что становление и развитие евразийства является результатом интеллектуальной деятельности русских философов, пришедших к выводу о дихотомии «Россия-Европа» не только по географическому, но и по культурно-интеллектуальному маркеру, главное — понимание России как евразийского пространства, как континента «Евразия». Евразийство можно охарактеризовать как протоидею в дискурсе русской философской мысли, вобравшую положения о культурно-исторических типах, общинности, коллективном духе, духовном суверенитете и др.*

Ключевые слова: *евразийство, протоидея, русская философия, общество, модернизация*
Для цитирования: *Дуйшеев Э.К. Концепция евразийства: становление и развитие социального учения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 247–254. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-247-254>.*

Original article

THE CONCEPT OF EURASIANISM: FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOCIAL TEACHING

Emilbek K. Duishoev

Batken State University, Batken, Kyrgyzstan
duyshoyev1980@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2919-4497, WoS Research ID: AAE-6635-2022

Annotation. *The purpose of the study is to generalize the specifics of the formation and development of social teaching within the framework of the concept of Eurasianism.*

Sources of information and research methodology. *The work is based on the ideas of such classics of social and philosophical thought as N. A. Berdyaev, L. N. Gumilev, N. Y. Danilevsky,*

V.I. Ivanov, K.N. Leontiev, G.V. Florovsky, etc. *The research methodology is represented by an interdisciplinary socio-philosophical methodology.*

The results of the study. *The conclusion is made that the formation and development of Eurasianism is the result of the intellectual activity of Russian philosophers who came to the conclusion about the «Russia-Europe» dichotomy not only by geographical, but also by cultural and intellectual marker, the main thing is the understanding of Russia as a Eurasian space, as the continent of «Eurasia». Eurasianism can be characterized as a proto-idea in the discourse of Russian philosophical thought, which has incorporated provisions on cultural and historical types, community, collective spirit, spiritual sovereignty, etc.*

Keywords: *Eurasianism, proto-idea, Russian philosophy, society, modernization*

For citation: *Duishoev E. K. The concept of eurasianism: the formation and development of social teaching // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 247–254. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-247-254>.*

Введение. Есть необходимость охарактеризовать, отрефлексировать, оценить реальность евразийства не столько как политико-идеологического проекта (что свойственно в современных геополитических вариантах евразийства не рассматривать его сугубо как явление культурно-интеллектуальной жизни, соответствующей кризисному состоянию российского зарубежья) и нацелиться на определение ключевых идей и смыслообразующих позиций в евразийской мысли.

По эскизному изображению евразийства, чем грешат многие исследования, выводящие его генезис из смены политико-мировоззренческих координат русскими философами, которые пытались найти искомое, но соответствующее принципам русской философии место в современном политическом процессе, возникают две концептуальные сложности. Одна состоит в том, что евразийство по существу «борки» характеризуют течением, вобравшим в себя уже провозглашенные идеи общности, имперскости, пограничной цивилизации. Таким образом, самоучение представляется наспех «слепленным» во многом подчиненными политической конъюнктуре и субъективным намерениям мыслителей, примыкающими к левому и правому лагерю. Если первая сложность страдает подозрением в неоригинальности и эклектичности, другая являет собой перфоманс «второй жизни», реконструкцию, ревизию принципа евразийства, исходя из глобализации, из предложения альтернативы глобализму (мондиализму) в формировании конструкта евразийской цивилизации, опи-

раясь при этом на концепцию Л. Н. Гумилева [4], для которого евразийство есть траектория движения Руси к России и геополитическим идеям А. Г. Дугина [6], воплотившего в евразийстве определение законов «большого пространства» и в этом смысле ставящего целью развитие евразийского пространства как шанса создания самодостаточной геополитической конструкции, способной не только вынести, но и определить законы развития современного мира. Согласно А. Г. Дугину, постсоветская Россия не может являться самодостаточным государственно-территориальным и политическим образованием вне евразийского проекта. Варианты национально-государственной программы, как показал постсоветский опыт, порождают проблемы сепаратизма и регионализма. Не менее спорными А. Г. Дугин называет попытки в создании евразийской империи, современного аналога Советского Союза.

Методологические ориентиры исследования. В целях выяснения объекта исследования того, чем реально является евразийство — конъюнктурным проектом или функциональным, нацеленным на геополитические реальности, требуется как минимум соблюдение два методологических условия. Первое связано с тем, что становление евразийства является исторически-логической традицией русской философской мысли, для которой сам смысл русской философии есть нахождение правды. Евразийство не является событием начала XX в., а восходит к русской идее, к размышлению о России как много-

национальном, многокультурном государстве, сложившемся по уникальным качествам цивилизации. Здесь не нужно погружаться в полемику о неосуществимости проекта славянского единства, на что обычно ссылается в качестве авторитета на К. Н. Леонтьева [8].

Если определять евразийство исторически, оно «витают» в мыслях Н. Я. Данилевского в его учении о культурно-исторических типах, хотя Н. Я. Данилевский и не концептуализирует евразийскую цивилизацию и исторически, и логически. Евразийство есть эссенциальность, восполняющая два важных параметра: уникальность российской цивилизации, связанной с собиранием земель и народов, и содержащий импульс к осмыслению исторического процесса с точки зрения движения к цели, что являлось нереализованным в концепции третьего Рима, на котором строилась российская культурно-цивилизационная парадигма [5]. По существу, Н. Я. Данилевский сформулировал концепцию культурно-исторического типа как воплощающую вариативность и самостоятельность русского пути развития в культуре «мирной экспансии», налаживание сотрудничества с народами, которые под влиянием природно-климатических, территориальных и культурно-исторических условий обрели движение к единству в российском государстве, и предстояла немалая работа, чтобы сформировать целостный культурно-исторический тип. Ядро по Н. Я. Данилевскому есть Русь, в ходе исторического развития в большую историю вступают соседние народы, становятся ее субъектами. Подобно как Русь стала субъектом истории и принятием православия, так и для народов евразийского пространства целью становится участие в реальном наполнении большого пространства социально- и культурно-созидающими силами, как результат — переход от формально-правовых государственных форм к строительству новых форм «человеческого общежития».

Протоидея евразийства. Очевидно, что учение Н. Я. Данилевского получило поддержку в работах Н. Н. Страхова, К. Н. Леонтьева, Л. И. Шестова, нацеливая на собирание народов подобно апостольской миссии, собирание верующих вокруг вселенской церкви [11]. Сразу оговоримся, что в этом не про-

являлся узконационалистический смысл, не встраивались теологические аргументы, евразийство являлось традицией культурно-интеллектуальной, что, само собой разумеется, основывалось не на частностях, присутствующих конкретным культурам наборов качеств и свойств, не укладывающихся в логику колонизации и постколонизации: если вдуматься глубоко и осмысленно, евразийство как культурно-интеллектуальная традиция обращена к приглашению «мечтать и действовать». Важный момент состоит в том, что «в смутной идее евразийства», можно сказать, протоидея, содержался смысл единства. Как отмечали критики европейских тенденций российской мысли, ограниченность выражалась в том, что русские мыслители ввязывались в чуждый по принципиальным основаниям дискурс, вынуждены были постоянно ориентироваться на критику механицизма и легализма, но аргументы в пользу интуитивности, озарения делали русскую философию заложником «ориенталистских» изысканий, представлявших интересное, но не актуальное для интеллектуальной мысли.

Протоидея евразийства, которая могла не приниматься по историческим основаниям отторжения наследия «Чингисхана» и апологии варварства, являлась альтернативой интеллектуальному снобизму, обрекающему русскую философскую мысль на вторичность. Основание евразийства как идеального задания, не определяемого логикой территориальной экспансии и создания империи, являлось достаточно трудным делом, потому что в отмеченный период евразийство могло рассматриваться в качестве гениальной догадки, нацеленности на будущее, воплощение мечты о большой семье народов, свободных от форм политического военного и правового принуждения.

Было понятно, что Россия, пережившая период европеизации, не могла стать образцовой европейской страной: слишком велики ее масштабы, события, люди, чтобы уместиться в формулу стандартного европейского государства. На этом пути обидно ясным становился вопрос о догоняющей модернизации России, о том, что Россия обречена быть учеником Европы. Обращение к истории России — свидетельство, наоборот, об уникальном геополитическом подвиге, освоении

новых земель при жизни в суровых природно-климатических условиях, разнообразии культур, имеющих парадоксальное представление об абсолютном, и создании сильного централизованного государства.

Космичность православия заключалась в том, что можно охарактеризовать как интуицию единства, но здесь сложность определялась признанием равенства культурных народов, при том что были свидетельства мирной миссии православия, запрета на прозелитство и упор на формы хозяйственного и культурного сотрудничества вне разделительных маркеров. Русские философы И. А. Ильин, Е. Н. Трубецкой, В. И. Иванов, Н. А. Бердяев [2; 7], по существу, определяли евразийство в качестве цели ориентира, смысла большого дела, не страдающего односторонностью государственной казенщины или мессианизма [11]. Так, Н. А. Бердяев, считал, например, что душа России есть следствие ее великих мировых задач, того, что не присуще европейским народам, разделяющим собственную жизнь и колониальные сообщества, так как Россия не может занять позицию культурного и политического превосходства, живет с управляемыми российским государством народами, она не является колониальной державой, и ее мировые задачи определяются тем, что она находится в авангарде движения на Восток и именно через эту цель становится связующим звеном с Западом.

Таким образом, протоидея евразийства становилась эссенциальностью, сущностью социального проекта, в котором ясность и прозрачность получила мысль о неизбежности мирного существования народов на большом пространстве. Война 1914–1918 гг. прямо поставила вопрос о принадлежности России не только к семье европейских народов, но и ее миссии защиты большого пространства. Что являлось важным — так это опыт имперской России, где толерантность как терпимость и уважение к другим народам имела не только политические, но и социокультурные основания.

Сторонники евразийства признавали мирный опыт существования народов в процессе территориальной экспансии российского государства. Можно сказать, согласно позиции Е. Н. Трубецкого и Н. А. Бердяева, несмотря на то, что Россия является самой

государственной и самой бюрократической страной, русский народ создал могущественное государство, величайшую империю. В этом проявлялась сила народа, который вступал на новые земли не как завоеватель, а как имеющий намерения жить вместе, разделять общую судьбу. То, что можно отнести к национальным эксцессам, можно интерпретировать в качестве свидетельства агрессивности бюрократической машины, стремления привести народы к повиновению, выполнению государственных обязанностей путем административного и военного принуждения. Но, что характерно (и это будущее видел К. Н. Леонтьев) — развал империи не означал бы наступления великого счастья для народов России, интересы созидания, поддержания российского государства являлись тем моментом, который определял различия между русской стихией и государственностью. Душа России состояла в том, что она могла жить как большое пространство. Почему в таком контексте идея евразийства не стала ведущей смысловой доминантой в предреволюционный период? Почему русская идея является все-таки идеей по месту в России европейской цивилизации? Здесь есть и историческое обстоятельство, связанное с тем, что Россия оказалась в сфере влияния европейских событий и европейской политики, а Восток оставался пространством «невовлеченности», и возможно, не было деления на метрополию и зависимые земли. Внутренним существенным фактором можно назвать то, что при описании русского народа, русского национального самосознания, русской идеи и обращении к евразийству говорилось о культурном потенциале, но не о выражении определенности, связанной с судьбой большой страны и большого пространства.

Подводя итог вышесказанному, логически завершенным моментом можно считать следующее: протоидея евразийства выражалась в том, что русские мыслители, обсуждая духовную ситуацию в российском обществе того периода в контексте русской идеи, приходили, несмотря на определенную конфликтность позиций, к выводу о том, что, являясь включенной в мировой исторический процесс, Россия как духовный организм нуждается в обновлении, в изменении смыслов жизнедеятельности, подходов к оценке общества,

государства и народа, и осознавали ограниченность и в какой-то степени бесплодность дискуссии с Западом, хотя был силен накал критики европейско-мещанской цивилизации, было подозрение в нечестной игре Европы с Россией. Ощущая предчувствие больших испытаний, видные деятели «постсеребряного» века вынесли суждение о перемещении рефлексивной деятельности в сферу достаточно неизведанного большого пространства.

Итак, объективный анализ концепции евразийства показывает, что, исходя из противопоставления «Европы и Евразии» утверждалась мысль о вовлечении в данный процесс некоторых народов Азии (П.Н. Савицкий). Это, по нашему предположению, было связано с тем, что для российской интеллигенции народы как подданные Российской империи имели различный уровень политического и социально-экономического развития, были в разной степени вовлечены в процесс политико-государственной и хозяйственно-экономической деятельности. Здесь следует отметить, что в условиях распада Российской империи и установления власти большевиков Россия реально обрела контуры евразийского государства с получением независимости Польши, Финляндии, стран Прибалтики.

Евразийство в социальном пространстве европейской цивилизации. В этом геополитическом контексте поворот на «Восток» являлся логическим с точки зрения сохранения российского государства, консолидации народов России в рамках Евразийского проекта, который не был принят большевиками. Как пишет историк Л. Люкс, между царским самодержавием и советской властью было решающее различие — речь шла об отклонении идеи самодержавия и невозможности абсолютизма и неограниченности в государственном устройстве: намечался проект новой политико-конституционной реальности, который несмотря на декоративность советской «демократии» уходил от идеи державности [9], и, как показало становление советской государственности, стал решающим моментом. Это было связано с победой линии И. Сталина и являлось созданием мощного бюрократического аппарата, нацеленного именно на управление страной при отказе от идеи перманентной революции Л. Троцкого [3].

На наш взгляд, евразийский проект реализовался в этот период в модифицированном под влиянием большевистской идеологии виде. Для большевиков фундаментальной идеей являлось формирование советского многонационального государства. Как отмечает Т. Мартин, большевики взяли на вооружение радикальную стратегию, не оставляя никаких подозрений в стремлении создать мононациональное государство. Здесь следует принимать во внимание, что тезис «Россия — тюрьма народов» был принят большевиками как доказательство того, что новая власть является носителем идеологии интернационализма, и это стало привлекательным ориентиром для вовлечения в позитивную деятельность народов России тех, кто представлял «национальные» окраины [10] и в будущем стал частью советского народа.

Конкретизируя эту мысль, мы должны определиться с тем, что евразийцы как идейно-политическое течение не представили программу строительства новой государственности, которая, по их мнению, не могла быть воспроизведением монархии, но что важно отметить, как писал Н. Алексеев (а Н. Алексеев, по мнению А. Дугина, являлся радикальным восточником), стимул обретала консервативная революция на основе создания органицистского подхода к государственному строительству. Для Н. Алексеева большевистский план строительства государства был неприемлем по той причине, что ориентировался на идеологию «произвольного объединения в группы атомарных личностей, каковой являлась и партия большевиков». В этом контексте вне государственного строительства оставались народы как органические целостности [1].

Этот момент выявляет траекторию евразийства для выбора государственных и правовых институтов как авторитарных структур, способных воплотить волю и силу в рамках достижения евразийского единства, где решающим критерием является приверженность идее евразийства, формированию пространства по принципу холизма как по отношению к европейской части, так и к Азии. В этом смысле Н. Алексеев являлся противником «положительной» деятельности, которую осуществляли большевики по отношению к народам России, исходя из позитивной дискриминации русского народа. Чтобы

не впасть в критику ленинской теории национального строительства и разделять аргументы националистов, мы обязаны определиться с тем, что деятельность большевиков в русле политики «национализации» принесла положительные результаты во всех сферах общественной жизни, но одновременно заложила «мины» под будущее советского государства.

Большевистская концепция применительно к евразийскому проекту была идеологизирована и прагматизирована — содержала движение к развитию народов Советского Союза в пределах реализации политико-идеологических и военно-политических задач. Характерный пример — свертывание программ национальной автономии и национального районирования в начале 30-х гг. XX в. в целях ускорения процессов индустриализации и коллективизации, строительство новой советской интеллигенции и последовательное наступление и искоренение буржуазных классов. Под видом борьбы с буржуазным национализмом массовыми репрессиями национальной интеллигенции был осуществлен поворот к воспитанию нового советского человека, где национальная составляющая являлась декорацией на фоне коммунистической идеологии.

В этом отношении евразийство не могло быть союзником большевиков, так как идея евразийства, связанная с формированием духовной элиты, независимо от национальности и сословности являлась воплощением мечты о переводе чисто географического названия «Евразия» на язык политики: большевики как носители социальной революции нуждались, по мнению П. Н. Савицкого, понимания Евразии как культурно-исторической характеристики. Социальная революция имела европейское происхождение, основывалась на единстве пролетариата и не могла быть актуализирована для того, чтобы выполнить задачи, связанные с принятием того факта, что культурно-историческое своеобразие России выводит на концепцию справедливости как высшего блага народов России.

Таким образом, идея евразийства являлась завершением исканий русской философской мысли в контексте Русской Идеи, решением дихотомии «Восток-Запад» в пользу того, что в новых условиях, в реальности, возникшей после Первой мировой войны,

Октябрьской революции, Гражданской войны в России и прихода к власти большевиков, Россия осваивает евразийское пространство как единственно возможный способ и сохранения, и усиления российской государственности, в которой при признании решающей роли русского народа важным становилось утверждение факта многонациональности и многокультурности России, ее обретения союзников в лице народов Востока.

В отличие от большевиков с формулой классовой борьбы евразийцы основывались на идее сословного и национального мира, который достигается в результате справедливости как экзистенциального аргумента, не восходящего к идее социального уравниательства, объективно ведущего рано или поздно к разрушению государственного единства и отвлекающего ресурсы и усилия общества по реализации евразийского проекта как целостного политического и культурно-духовного пространства. Для евразийцев как представителей интеллигенции движущей силой являлась культура объединения: большевики на позициях социальной революции, переустройства экономики и социальной жизни в контексте уже отмеченных процессов коллективизации, индустриализации, которую можно определить и как ускоренную мобилизацию, могли достичь успехов в преобразовании жизни народов России, но дорогой ценой репрессий, подавления протестов населения, материальной нужды и испытаний. Этот вывод не принадлежит евразийцам, но, как отмечал П. Н. Савицкий, социалистическая революция являлась обобщением и обострением традиционно-русского централизма и этатизма, огосударствления и введения контроля над всеми сферами общественной жизни под задачи мощного бюрократического аппарата.

В совокупности с опытом «ускоренной модернизации» евразийский проект не оценивался положительно новой властью, которая внешне забыла о евразийцах как исторически переходящем течении, и идеи евразийства в Советском Союзе находились под запретом. Главное же состоит в том, что реализация евразийского проекта (его достоинства и недостатки мы рассмотрим позже) могла предотвратить деформацию национальной политики, то, что могло признаваться как «перегибы», но не приводило к пересмотру содержания и целей

государственной политики в советский период. Опыт евразийства и евразийского проекта состоит в том, что в выборе формы государственного строительства, особенно в уникально-сложных условиях того периода, ориентир на формирование политического и культурного пространства Евразии не обещал грандиозных рывков и свершений, но в нем критика механического этатизма основывалась на служении делу, на возобладании идеи смены правящего класса и перехода от абстрактных лозунгов интернационализма к самоутверждению особого мира Евразии (П. Н. Савицкий).

Необходимо подчеркнуть, что становление и развитие евразийства является результатом интеллектуальной деятельности русских философов, пришедших к выводу о дихотомии «Россия-Европа» не только по географическому, но и по культурно-интеллектуальному маркеру, и главное — понимание России как евразийского пространства, как континента «Евразия».

Выводы. Итак, напрашиваются следующие выводы. Во-первых, евразийство можно охарактеризовать как протоидею в дискурсе русской философской мысли, вобравшую положения о культурно-исторических типах, общности, коллективном духе, духовном суверенитете, имевшие разрозненный характер в размышлениях о Русской идее, но получивших идейно-смысловую конфигурацию в оценке будущего России и российского государства, выводе о том, что Россия как многонациональное государство может развиваться в освоении евразийского пространства, принятии формулы единства народа и государства.

Во-вторых, в евразийстве как интеллектуальном и политическом движении 20-х гг. XX в. возникла потребность в поиске формулы развития России, основываясь на опыте Российской империи, катаклизмов войн и революций и включения эмиграции в процесс формирования нового российского государства с приходом к власти большевиков. Не принимая во внимание оценки конъюнктурности евразийского движения, расколы, приведшие к исчезновению из интеллектуальной жизни уже в конце 20-х гг. XX в., можно отметить непреходящее значение в положение евразийства о холизме (целостности) евразийского пространства, о формировании власти вне сословных, национальных и религиозных различий, уст-

ремленной к собиранию многонационального народа и развития культурно-духовной сферы, способствующей единению народов России на основании идеологии всеобщего блага.

В советский период идеи евразийства были преданы забвению в силу политико-идеологических и мировоззренческих обстоятельств, утверждающих идеологию интернационализма, классовой борьбы, проведение национальной политики, направленной на централизацию государственной жизни и государственного управления. Это являлось причиной двойного эффекта. С одной стороны, в историческое состояние пришли народы России, создавшие современный экономический, социальный и духовный уклады. С другой — процесс ускоренной модернизации в рамках ориентиров на коллективизацию и индустриализацию характеризовался принудительной и часто репрессивной политикой по отношению к так называемым буржуазным слоям и националистам, что в реальности было связано с сопротивлением политики диктата, разрушающей традиции и уклад наработанной веками жизни, создавал проблемы социальной экологии и сохранения национальной культуры. Позитивным моментом являлось то, что несмотря на ориентиры ускоренной модернизации, были достигнуты положительные результаты в развитии экономики, культурной и научной жизни, определившей в качестве сценария будущее формирование евразийского пространства.

Список источников

1. Алексеев Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Правда, 1990. 396 с.
3. Боффа Дж. От СССР к России. М.: Международные отношения, 1996. 320 с.
4. Гумилев Л. От Руси до России. М.: Айрис Пресс, 2000. 320 с.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 556 с.
6. Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктоген центр, 1991. 928 с.
7. Ильин И. А. О грядущей России: избр. ст. / Под ред. Н. П. Полторацкого. Джорданвилль (Н. Й.): Свято-Троиц. монастырь: Корпорация «Телекс», 1991. 367 с.

8. Леонтьев К. Поздняя осень России. М.: Аграф, 2000. 336 с.

9. Люкс Л. История России и Советского Союза. М.: РОССПЭН. 2000, 527 с.

10. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

11. Русская идея. М.: Республика, 1992. 496 с.

12. Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997, 464 с.

13. Черкасов Т., Чернышевский Д. История императорской России. М.: Международные отношения, 1994. 448 с.

References

1. Alekseev N. Russkij narod i gosudarstvo [The Russian people and the state]. Moscow: Agraf, 1998. 640 p. (In Russ.).

2. Berdjajev N.A. Smysl istorii [The meaning of history]. Moscow: Pravda, 1990. 396 p. (In Russ.).

3. Boffa Dzh. Ot SSSR k Rossii [From the USSR to Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1996. 320 p. (In Russ.).

4. Gumilev L. Ot Rusi do Rossii [From Russia to Russia]. Moscow: Ajris Press, 2000. 320 p. (In Russ.).

5. Danilevskij N. Ja. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: Kniga, 1991. 556 p. (In Russ.).

6. Dugin A. Osnovy geopolitiki [Fundamentals of Geopolitics]. Moscow: Arktogen centr, 1991. 928 p. (In Russ.).

7. Il'in I. A. O grjadushhej Rossii: izbr. st. [About the coming Russia: elected art.]. Pod red. N.P. Poltorackogo [In N.P. Poltoratsky (eds.)]. Dzhordanvill' (N. J.): Svjato-Troic. monastyr': Korporacija «Teleks», 1991. 367 p. (In Russ.).

8. Leont'ev K. Pozdnjaja osen' Rossii [Late autumn of Russia]. Moscow: Agraf, 2000. 336 p. (In Russ.).

9. Ljuks L. Istorija Rossii i Sovetskogo Sojuza [The History of Russia and the Soviet Union]. Moscow: ROSSPJeN. 2000, 527 p. (In Russ.).

10. Martin T. Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti» [The empire of «positive activity»]. Moscow: ROSSPJeN, 2011. 855 p. (In Russ.).

11. Russkaja ideja [Russian idea]. Moscow: Respublika, 1992. 496 p. (In Russ.).

12. Savickij P. Kontinent Evrazija [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf, 1997, 464 p. (In Russ.).

13. Cherkasov T., Chernyshevskij D. Istorija imperatorskoj Rossii [History of Imperial Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1994. 448 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

The article was submitted on 26.11.2021; approved after reviewing on 30.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дуйшоёв Эмильбек Каримович — аспирант Баткенского государственного университета.

Кыргызстан, г. Баткен, ул. И. Жусупова, 21

Emilbek K. Duishoev — graduate student of the Batken State University.

21 I. Zhusupov st., Batken, Kyrgyzstan